

На перший (синкретичний) стадії, бажання до об'єднання усіх християн мало деякі демократичні риси. Апостол Павло, заклики якого до єдності частіш за все цитують прибічники сучасного єкуменічного руху.

На другій стадії, з самого початку процесу одержавлення християнства, складається єкуменізм імперського типу, характерною рисою якого є анафематствувовання усіх християн, які не поділяють деяких догматів, затверджених однією пануючою у імперії церквою. Бажання імператорів бачити серед своїх підданих лише тих, що належать до державної церкви зрозуміло. Бо однаковість поглядів населення дозволяє легше їм керувати. Але наслідками усіх Вселенських соборів, що проводилися під егідою імператорів, були не тільки затвердженні християнською спільнотою догмати, але і організаційні розколи, утворення самоостійних конфесій з числа тих вірних, що раніше лише дискутували з приводу розуміння тих чи інших положень віровчення. У той час і було закладено уявлення про те, що перебування за огорою церкви не веде до спасіння.

Третя стадія руху до об'єднання християн з протестантської ініціативи, з самого початку має суто демократичні коріння. Гонінь за віру його представники вже не зазнавали. Жодна держава, чи то державна інституція не примушувала їх до єкуменізму, і ось тут треба вже звертатися не до світового, а до нашого окремого досвіду входження у світовий єкуменічний простір.

На третій стадії становлення єкуменізму можна без особливої аргументації визначити дві головні форми участі вірних в цьому об'єднавчому русі: демократичну, та тоталітарну.

Єкуменічний рух є лише одним з багатьох конвергентних процесів, що виникли у ХХ сторіччі. Хоча добра воля християн і послугує цим процесам, і їх ставлення до них має велике значення для їх майбутнього, судьба людства залежить не тільки від християнства, але і від інших релігій та взаємовідносин між ними.

Бельй І. Л.

*Національний університет «Одеська юридическа академия»,
доцент кафедри філософії, кандидат юридических наук, доцент*

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА ЛИБО ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВАЯ ПРОБЛЕМАТИКА: К ВОПРОСУ СТРУКТУРАЛИЗАЦИИ И ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Очевидно, что «философия права» как абвеатура только того: что такое право?; откуда оно?; каким ему быть? и т. д. с едино только философско-мировозренческих позиций, на сегодняшний день уже не отвечает потребностям современности, так как:

1-е – сужает, сковывает границы самого предмета философско-правовой проблематики;

2-е – не позволяет методологически охарактеризовать возможности, необходимость, степень участия правоведов и философов в разрешении общих для обеих сторон проблем;

3-е – не в состоянии обосновать и принять в свою структуру, самостоятельно сформировавшиеся в ее недрах и «без ее ведома» философско-правоведческого и юридико-философского направлений;

4-е – ограничивает смыслы и предназначения своих структурных составляющих: онтологии, гносеологии, аксиологии, праксиологии, антропологии и т. д.

Для преодоления указанной тенденции важно переосмыслить характер институционализации философии права с учетом приобретенных ею, в настоящее время, реалий.

Для этого необходимо:

1-е – изменить смысловое обозначение тех проблем, которые выдвигает перед правоведами и философами Время, заменив абвеатуру «философию права» на более соответствующее «философско-правовая проблематика». Суть ее предметного основания не должна уже ограничиваться схоластическими рассуждениями о специфике предметов философии и правоведения, их «стыке», «взаимодополнении» и т. д. (что постоянно воспроизводится в соответствующей литературе), так как в рамках новой абвеатуры они лишены основополагающего смысла, а значит, и позитива.

В данной ситуации, ее предметность не должна определяться набором методологических стереотипов, а должна исходить из потенциальных эпистемиологических возможностей и научных интересов сторон, включенных в проблематику, т. е. правоведов и философов на паритетных и обоюдосамодостаточных началах.

В развернутом виде сказанное охватывает два методологических ориентира современной направленности процесса институционализации философско-правовой проблематики.

Один ориентирован на обретение философии конкретных смыслов правовой предметности и организационно связан с проблематикой «право как ценность философии и философская ценность».

Другой – ориентирован на обретение правом конкретных смыслов философской предметности и охватывается проблематикой «философия как ценность права и правовая ценность».

2-е – признать, наконец-то, естественным факт формирования в рамках философии права, а теперь вернее, философско-правовой проблематики, двух философий: «право для философии» и «философия для права». Варианты возможного их дальнейшего филологического обозначения уже не должны нести самодавящий характер.

Для нас важно, что анализ методологических основ институционализации философии права предоставил возможность выйти за пределы устоявшихся, сковывавших ее стереотипов и позволил (в более или менее удачной форме) определить необходимые векторы ее дальнейшего развития в рамках философско-правовой проблематики.

Варианты обозначения ее векторов могут быть разнообразны. Это либо философско-правоведческое и юридико-философское направления, либо философия права (в узком смысле – как «право для философии») и правовой философии («философия для права») и т. д.

Главное то, что именно эти векторы в своем самостоятельном состоянии и диалектическом единстве в состоянии придать философско-правовой проблематике реальный смысл современной научной парадигмы.

3-е – при этом понять, что двойственная природа философско-правовой проблематики, ее объективация в двух самостоятельных направлениях: «право для философии» (философско-правовой вектор; философия права в «узком» смысле) и «философия для права» (юридико-философский вектор; правовая философия) дают основание предполагать, что в ее основе лежат... три предмета (!).

Предметность первого вектора «право для философии» – философско-правовой, определяет философско-правовую проблематику в качестве отраслевой составляющей философии.

Предметность второго вектора «философия для права» – юридико-философский и охватывает философско-правовую проблематику в направлении методологических основ правоведения, а значит, выступает в качестве его структурной составляющей.

Общая цель, задача приводит к необходимости формализации, единения обоих предметов познавательной активности (философской и правоведческой) в некую единую обобщающую целостность – «третью предметность», как-бы априорную «надпредметность» философско-правовой проблематики.

По всей вероятности, эпистемиологическая целесообразность современного гуманитарного наукознания не только позволяет, но и выступает в качестве жесткой необходимости философско-правовой проблематике формально «объединить под своим крылом» ее два самодостаточных, исторически самоутвердившихся направлений: философии и правоведения, с целью выработки, в перспективе, некоего нового единого интегративного знания на основании, пока еще, гипотетического, априорного общеинтегративного предмета.

Капустина Н. Б.

*Национальный университет «Одесская юридическая академия»,
доцент кафедры философии, кандидат юридических наук*

ОСМЫСЛЕНИЕ ПРИЧИН ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПРАВОВОГО НИГИЛИЗМА

В научных исследованиях последних лет прочно закрепились негативные оценки правовой жизни постсоветских государств. Большинство авторов, придерживаются точки зрения о непреодолимости имеющихся проблем в сфере правовой жизни и, как следствие, невозможности достижения высокого уровня правовой культуры. В качестве одной из таких проблем очень часто выделяют такое явление правовой жизни как правовой нигилизм. При этом правовой нигилизм определяется в качестве исходной социально-исторической данности правовой жизни, имеющей глубокие корни в национальных культурах и общественном сознании. Актуальность исследования обусловлено тем, что Украина находится в процессе становления и формирования правовое государство. Так в Конституции нашей страны закреплено положение, согласно которому Украина демократическое правовое государство. Это означает, что в таком государстве основную роль призваны играть право, закон, порядок, уважение прав и свобод человека и гражданина, которые признаются высшей социальной ценностью. Однако практическому